

— Не я, а друг, один мой друг, — быстро поправился Гу Чуньлай. — Он влюбился в человека, но когда осознал свои чувства, у того уже был парень.

— Похоже на Ван Лицин.

Гу Чуньлай замер, прежде чем ответить:

— Возможно... Но мой друг никогда не признавался, он не хотел причинять боль этим двоим. У человека, которого он любил, с парнем, кажется, были хорошие отношения. Даже когда парень уехал на съёмки, он каждый день приходил в его комнату, садился на его кровать. Но, несмотря на это, они почему-то расстались в день выпуска...

— Теперь у вас есть шанс быть с тем, кто вам нравится.

Гу Чуньлай покачал головой:

— Он ошибся. Он думал, что я... что мой друг был третьим лишним, ругал его и даже заставлял признаться.

Мяо Пинпин слушала, и глаза её наполнились слезами.

— Вы потом объяснили?

— Я... я... — Гу Чуньлай стиснул губы, широко раскрыв глаза, сжал кулаки, ногти впились в ладони, боясь потерять контроль. — Я не знал, как объяснить, чтобы не потерять его.

В тот день Гу Чуньлай вышел из общежития с чемоданом в руках, и дождь, копившийся весь день, внезапно хлынул вниз. Ветер стих, листья и песчинки прилипли к земле, и весь мир погрузился в шум дождя, который омывал тело Гу Чуньлая, пропитывая его одежду и сжимая сердце.

Он шёл без цели, и с каждым шагом лоза, усыпанная бутонами, в его сердце поднималась всё выше по башне. Пройдя далеко, лоза прорвалась сквозь облака, устремилась к звёздам и расцвела розой, которая, не подчиняясь ему, прорвалась наружу вместе со слезами. Но он не был ни маленьким принцем, ни лисой. Он был лишь пылинкой, блуждающей в космосе, и даже мечта о том, чтобы упасть на планету В612, была слишком роскошной. Его слёзы растворились в дожде, и никто не знал о них.

Гу Чуньлай понял, что с этого момента он должен привыкнуть к жизни без Сяо Жофэя, привыкнуть к тому, что он рядом, но недоступен, привыкнуть к тому, что тот идёт к своим мечтам и будущему в одиночестве.

Он должен был понять, что в будущем Сяо Жофэя он был лишь именем, которое вспоминали с трудом.

И только.

Он шёл долго, пока дождь не прекратился, ветер не утих, а облака не рассеялись, открыв луну. Старый чемодан скрёб по земле, звук, как нож, резал его грудь, причиняя боль. Он сел на обочину, глядя на звёзды. Но вскоре звёзды исчезли, и на горизонте загорелся рассвет.

Даже самые яркие звёзды не видны днём. И единственный красочный сон в его жизни прошёл через тьму и устремился к свету.

Когда сон рассеялся, даже если он и цеплялся за него, в руках оставался лишь призрак.

Он понял, что окончательно потерял Сяо Жофэйя.

Теперь он мог без колебаний и страха произнести те слова, которые Сяо Жофэй не дал ему сказать:

— Это ты.

По мере развития сюжета история постепенно переходила от юмора и шуток к глубоким чувствам. Две линии сюжета, которые раньше шли параллельно, начали сближаться, и персонажи, ранее действовавшие независимо, стали больше взаимодействовать.

Гу Чуньлай уже хорошо понимал, чего хочет режиссёр, и изучил стиль игры основных актёров, поэтому перед камерой чувствовал себя всё увереннее. Чжоу Сяоча, который в первой половине фильма был скорее второстепенным персонажем, в его исполнении пережил несколько ярких моментов.

Но даже при всей своей уверенности он чувствовал себя неуверенно, когда приходилось играть то, чего он никогда не испытывал.

Например, сцены страсти.

Ранее Юй Цяньфань упомянула, что Сяо Жофэй изменил сценарий, и Гу Чуньлай не мог не думать об этом.

Перечитывая сценарий, он обнаружил, что в нескольких местах было специально указано: «Чжоу Сяоча в майке». Эти кадры можно было снимать с одеждой или без, но только в сцене, где Лю Мэйцзе приезжает в Цинхэ и встречается с Чжоу Сяоча, Юй Цяньфань сказала ему, что изначально, чтобы показать эмоциональный накал, Лю Мэйцзе рвала старую одежду Чжоу Сяоча, обнажая его спину.

Гу Чуньлай долго думал и пришёл к выводу, что здесь это было уместно. Разорванная одежда добавляла напряжённости отношениям персонажей, делала их характеры более насыщенными, и даже можно сказать, что это подготавливало развитие сюжета.

Он не хотел из-за своих проблем нарушать целостность и красоту произведения.

Подумав, накануне съёмок, во время перерыва, Гу Чуньлай обсудил свои мысли с режиссёром Фан Цю и оператором Гун Цинью. Фан Цю был удивлён и несколько раз переспросил, уверен ли он, ведь Сяо Жофэй неоднократно подчёркивал, что Гу Чуньлай ни в коем случае не должен обнажаться.

Теперь скрывать было бессмысленно. Он кратко объяснил своё состояние, затем поднял рубашку и показал шрам на спине. Без удивления и сочувствия они лишь взглянули, и Фан Цю похлопал его по плечу, веля опустить рубашку.

— Холодно, не простудись, — сказал Фан Цю.

Гу Чуньлай опустил рубашку, заправил её в брюки и, опустив голову, не решался смотреть на них.

— Сяо Гу, не переживай, я думаю, ты прав, мы снимем по оригинальному сценарию. После

внесения изменений я отправлю его тебе, — голос Фан Цю был мягким, как весенний дождь, и это успокоило Гу Чуньлая. — Мы с Гун Цинью обсудили, и он постарается найти удачный ракурс, чтобы ты меньше показывал спину.

Гу Чуньлай кивнул и низко поклонился.

— Но, на всякий случай, тебе нужно заранее подготовиться и постараться скрыть шрам на левой стороне.

Гу Чуньлай подумал, что нельзя быть неблагодарным, когда люди идут навстречу.

На следующий день у него было три сцены. Закончив утренние съёмки, он пообедал и вернулся в трейлер, чтобы подготовиться. Шрам на спине занимал большую площадь, и его маскировка заняла бы время, поэтому Чжан Ичэн предложил использовать массажный стол, чтобы Гу Чуньлай мог лечь на живот, расслабиться и даже поспать, пока гримёр работает. Даже если он будет корчить рожи, Гу Чуньлай этого не увидит.

Как и говорил Чжан Ичэн, на массажном столе было действительно удобно. Лицо находилось в отверстии, и видно было только небольшое пространство. Гу Чуньлай смотрел на него, и его веки начали смыкаться.

В этот момент снаружи раздался стук в дверь. Чжан Ичэн открыл и увидел Мяо Пинпин, которая стояла с пластиковой коробкой в руках, выглядевшей взволнованной. Он впустил её, прикрыв Гу Чуньлая.

Но едва она вошла, как начала извиняться.

Оказалось, что после их разговора о чувствах выражение лица Гу Чуньлая не давало ей покоя. Она считала, что её бестактность и невнимательность причинили ему боль, и хотела извиниться, но чувствовала, что простого «извини» недостаточно. Узнав, что Гу Чуньлаю нужен специальный макияж, чтобы скрыть шрам, она принесла средство, которое использовала для маскировки прыщей, надеясь помочь.

Гу Чуньлай не ожидал, что его случайные слова вызвали у кого-то чувство вины. Он поспешно объяснил, что те чувства закончились много лет назад, и он уже передал свои воспоминания о том человеку времени. Теперь, спустя восемь лет, он мог спокойно стоять перед тем человеком, не испытывая боли или смущения, просто дружить, и он был доволен этим.

Закончив говорить, Гу Чуньлай не услышал ответа. В тишине раздавались только шаги, скрип двери, и яркий свет снова сменился спокойными тонами.

— Все ушли?

Гу Чуньлай осторожно спросил, но никто не ответил, только лёгкое прикосновение пальцев к его спине. Оно было таким лёгким, как будто кисть касалась лица.

— Ичэн?

Снова тишина. Гу Чуньлай не понимал, что происходит. Мяо Пинпин ушла, не попрощавшись, и даже Чжан Ичэн внезапно исчез.

— Учитель Хуа, — позвал он гримёра, — вы проводили Пинпин и Ичэна? Если да, не могли бы вы поговорить со мной?

Даже гримёр молчал.

— Вот чёрт!

Гу Чуньлай упёрся руками в край массажного стола, ругаясь, резко поднял верхнюю часть тела, не обращая внимания на внешний вид.

В его поле зрения вошёл человек.

Тот, кого он никак не ожидал увидеть.

Человек встретился с ним взглядом и наконец произнёс:

— Дурак, ты не того назвал, вот он и не отвечает. Это учитель Сяо, понял?

<http://bllate.org/book/15563/1415664>